

Математика снов и галлюцинаций

Москва, правда. - 1996. - 19 сент. - с. 6.

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Если театр создан для того, чтобы дать жизнь всему, что вытеснено в наше подсознание, то его своеобразная жесткая поэзия выражается в странных действиях...

Антонен Арто.

Среди множества столичных бездомных театров, руководимых маститыми Виктюком, Фоменко, Левинским и куда менее известными режиссерами, есть откровенно фантомное создание - театр «черноеНЕБОбелое». Его спектакли появляются то на одних, то на других подмостках и столь же неожиданно исчезают. Они приводят зрителя в странное, полуголушенное состояние, близкое к трансу. Сценическое воздействие длится меньше часа, а последующий опиумный дурман от невиданного иллюзии она еще долго бережет ошарашенную душу. Поток непонятного, неосознанного, явно выматывающего с непривычки, порой устрашающего, пресекается. В маленьком зале зажигается свет. Перед глазами аскетичная сцена. Мираж исчез. Артисты не выходят на поклон. На мгновение посещает робкая мысль: быть мо-

проникающие в темные глубины подсознания, гипнотические, наркотические. «ЧНБ» предлагает зрителю совершенно иной, непривычный театр, нежели пришлось видеть прежде. Театр, заведомо обреченный на недопонимание, на ничтожно узкую аудиторию почитателей, на упреки в шаманстве, ведовстве и даже жестокости по отношению к публике.

Арюпин - математик, поэтому неслучайной кажется точность, жесткость его спектаклей. Очевидно, он увлекся идеями знаменитого французского актера, режиссера и теоретика театра Антонена Арто (1896-1948) и взял у последнего, пожалуй, наиболее перспективное - сценическую метафизику в противовес влиятельной психологии, погружение зрителя в состояние, близкое к трансу. Спектакли «ЧНБ» категорически не развлекательны. Они

зыкальное направление, которое составляют композиторы, сочиняющие нечто иное, нежели музыка в привычном понимании. Это не просто авангард. Этому сложно найти название. Это не совсем музыка, она не несет в себе привычной законченности формы. Ей нужно какое-то дополнение. Это дополнение блестяще находит Арюпин в своих спектаклях.

Музыка Diamanda Galas, Art Zoyd, Coil и проч. обладает обволакивающим свойством. Она соткана из индустриальных шумов, непонятных звуков, подчинена рваному ритму. Жесткие звуки порой режут слух. Совершенно ясно, что воспринять подобную музыку вне представления было бы крайне сложно. Это альтернатива существующему. Так же «ЧНБ» альтернативен всем существующим в России театрам. И тем не менее это - театр.

Спектакли Арюпина лишены малейшей условности. Он обращается к подсознательному, поэтому зрительское восприятие происходящего должно быть аб-

об их привычной театральной искусственности. Режиссер как бы балансирует на грани кино и театра, ему удается проникнуть в трещину между этими мирами. Не только проникнуть, но и обжить ее. Он добивается небывалого даже для кинематографа эффекта присутствия.

Правда, есть у Арюпина нечто вроде ахиллесовой пяты: кажется, будто в погоне за «высокими технологиями» он позабыл о том, что театр - создание живое, в нем есть люди - актеры, которые как раз и наполняют его живым дыханием. Увлечись технической стороной спектакля, считая ее единственной подверженной развитию, постановщик отвлел Марчелле Солтан и Андрею Ивашеву роль послушных марионеток. Рисунок спектаклей настолько строг, что кажется, будто актеру категорически отказано в проявлении своей воли. При этом нельзя не заметить, что «марионетки» живые. Живые, но не люди, не «человеки», а странные образы из кошмарных снов, творения спящего разума, рождающего чудовищ. Арюпин создает композиции в духе Босха или Гойи. Заставляет их двигаться, звучать. Солтан и Ивашев будто бы одеты в живые костюмы, и именно костюмы заставляют актеров следовать их устремлениям. Наверное, здесь возникает конфликт между вынуждающей силой и человеческим естеством. Гармония постановки возникает из математически точного наложения дисгармоний. Артисты играют эти дисгармонии, существуют в них, а режиссерский диктат доводит их до абсолюта.

Арюпин стремится преодолеть театр. Он подходит к нему со стороны «нечеловека». Сквозь «нечеловеческие» дебри, сонмище иррационального, безграничный хаос, разлад с телом, омерзения и страхи он обретает человеческое. Спектакли «ЧНБ» не рассказывают никаких историй, они лишь подталкивают зрителя к нестандартному восприятию мира, заставляют усомниться в верности привычно-ленового постижения действительности. На час нарушается знакомая система координат. Искривляются пространство и время. Отсутствие конкретности заставляет волноваться, бережит тайные устремления, до конца не осознанные.

Упомянутая пластилика Солтан и Ивашева являют взору то карликов, то гигантов, то двутелесных, то двугловых, то вообще нечто неописуемое, апокалиптическое. Кажется, будто актеры лишены скелетов, мышц. Их тела действуют по совершенно иному, «нечеловеческому» закону. Они исчезают, трансформируются вместе с пространственно-временным континиумом. В общем потоке со звуком, светом, сценографией они врываются в зрительское подсознание, устраивают там легкое смятение и неожиданно исчезают подобно галлюцинациям, фантомам, миражам, забирая с собой весь инсценированный мир.

Антон ЧАРКИН.

жет, их и вовсе не было, не было вообще ничего, случившееся - не более, чем сон, галлюцинация. Но...

Есть автор спектаклей - Дмитрий Арюпин (он же Доктор ДА), исполнители - Марчелла Солтан и Андрей Ивашев - всего двое, а ведь иной раз кажется, будто на сцене двое с половиной, трое, четверо персонажей. Театр «черноеНЕБОбелое» («ЧНБ», «Небо») родился в 1987 году. За семь лет Арюпин поставил шесть спектаклей - «Татьянин день», «Звезда по имени Поляр», «Инфанта», «Деление на тело и тепло», «Здесь был СССР», «Игрушки Бертрана». Каждый по 45-50 минут. Неопределимые по жанру, бессловесные, бессюжетные,

лишены даже отвлекающего свойства. Арто стремился перевернуть пьесы с ног на голову, «боролся» со словом. Арюпин вовсе отказался от драматургии и от какого бы то ни было текста. В то же время не соблазнился импровизацией, предпочтя ей жесткую постановочную схему-конструкцию. Наверное, поэтому одна из неудач Арто (опыт французизма был неудачным) его миновала - случайные нелепости в спектаклях «ЧНБ» невозможны. Француз пытался заполнить пространство звуком, но явно не располагал желанными средствами. Ныне техника способна воплощать самые, казалось бы, непредсказуемые идеи. Но не только техника. Существует целому

солютно безусловным. С первых же секунд публика попадает в непрерывный поток спектакля. Арюпин сам занимается светом, сценографией, звуком, спецэффектами. В достижении намеченного он проявляет истинно математическую точность, скрупулезность. «ЧНБ» использует полностью цифровой звук, выявляющий пространственную систему акустики. Спроектированный и частично реализованный аудиовизуальный комплекс позволяет добиться чуть ли не волшебного эффекта. Крохотная сценическая площадка может являть небывалую глубину. Невольно задумываешься о реальности пятого измерения. Свет, звук, декорации, их изменения заставляют забыть